

**ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА**

ВЛАДИМИР КОЛЫЧЕВ

СЕМЬЯ УБИЙЦ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Семья убийц / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-198369-7

Крупный бизнесмен Борис Алексеевич Натаров неожиданно узнает, что у него, кроме падчериц, есть еще девять родных детей, все двадцати восьми лет от роду. Оказалось, в молодости Натаров подрабатывал генетическим донором, в результате чего и родились эти дети. Бизнесмен признает новоявленных отпрысков и пишет завешание, в котором определяет каждому из них крупную сумму. Однако такой расклад не устраивает ближайших домочадцев Натарова. Кое-кто из них полон решимости сократить число претендентов на наследство, а заодно ускорить уход и самого Бориса Алексеевича. Бизнесмен, чувствуя смертельную опасность, вынужден принять этот жестокий вызов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В.Г., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198369-7

Часть первая

Глава 1

Пятница, 6 мая, 10 часов 40 минут

Почки только-только распустились, листочки совсем еще маленькие, жалко жмутся один к другому и плачут — с нежной зеленой завитушки сползает слеза, нависая над мертвым лицом. С одной ветки капнуло, с другой — плачут березы над телом убитой девушки. Печально шелестит на ветру прошлогодняя трава, над головой покачиваются ажурные ветви папоротника — будто траурная гирлянда.

Родион Кауров смотрел на труп глазами профессионала, он следователь, убийство для него — рутинное дело, и все равно ему не по себе. Он еще не осматривал как следует тело, но уже насчитал четыре колото-резанные раны в районе правого подреберья. Били ножом или чем-то подобным, снизу-спереди под нижнее ребро. Били в печень, со знанием дела, возможно, провернув нож во время нанесения последнего

удара. Крови много, она вытекала из ран, через рот. Глаза открыты, на лице гримаса ужаса.

Смерть, вероятно, наступила быстро, от быстрой кровопотери — трупные пятна на лице выражены слабо, бледные, на ногах их и вовсе не видно, хотя мышечное окоченение уже наступило. Заметен только прижизненный синяк на внешней стороне бедра чуть выше колена. И кровь. Умирая, девушка шарила руками в тщетных поисках спасательного круга, размазала кровь по лицу, испачкала воротник светлой своей курточки, пальцами провела и по ногам. Куртка легкая, болоньевая, застегнута на молнию снизу доверху. Юбка шерстяная, серая в клетку, достаточно теплая для майской прохлады. Но колготок нет. Полусапожки со сбитыми каблуками есть, а колготок, чулок или хотя бы гольф нет. Как будто убийца снял с жертвы белье. Но юбка не задрана, ноги разведены нешироко, и колготок поблизости нет — возможно, преступник унес их с собой. Но зачем? Неужели маньяк коллекционирует женское белье с убитых жертв? Но тогда почему на ногах полусапожки? Снять колготки, не тронув обувь, невозможно. Даже легинсы без удерживающих штрипок через полусапожки не снимешь.

Раздумывая, Кауров приложил палец к ямочке на своем подбородке. Девушка шла через березовую рощу по хорошо протоптанной тропинке, но в какую сторону, от реки к дороге или наоборот? И где находился убийца в момент удара, спереди от нее или сзади? Положение тела не давало точного ответа на эти вопросы, Кауров мог только пред-

полагать. Скорее всего, девушка шла со стороны реки, преступник — навстречу, сблизился с жертвой и нанес удар. Но какой рукой? Девушка могла испугаться, возможно, в момент удара она разворачивалась на сто восемьдесят градусов, собираясь бежать. Если жертва повернулась к преступнику боком, он мог ударить правой рукой. Если она стояла как вкопанная, то, вероятнее всего, преступник бил левой. Тогда он левша. Или профессионал, который одинаково хорошо владел оружием как левой, так и правой рукой.

Кауров представил, как преступник прижался к девушке, обняв ее рукой за голову, и сразу же ударил ножом — раз, другой, третий... Быстро, мощно, наверняка. Из раны хлестала кровь, но преступник не обращал на это внимания и бил, бил, пока девушка не стала падать. Удерживая обмякшее тело, убийца стащил его с обгаренной кровью тропинки на целый метр в сторону, уложил на спину. Теперь он мог делать с девушкой что угодно. Но юбку он не задирает, на жертву, раздвигая ей ноги, по всей видимости, не ложился. Но куда тогда делись колготки? Может, валяются где-то за кустами?

Возможно, преступник не прижимался к жертве. И зайти к ней он мог сзади, схватить за плечо, развернуть к себе... Дежурный следователь, криминалисты, судмедэксперт уже работают, осматривают место преступления и трупа, проводят анализ окружающей обстановки, составляют следовую картину. Нашлось дело и для розыскной собаки. Скорее всего, преступник все-таки прижимался

к жертве, оставил свой запах на ее одежде — овчарка взяла след, повела кинолога к шоссе. И все это происходило без прямого участия Каурова. Он сейчас в роли стажера, а если точнее, наблюдателя. И это после двенадцати лет работы в прокуратуре, а затем и в Следственном комитете. Не повезло ему: попал под горячую руку избирательного правосудия, в тридцать шесть лет подставился под статью, а вместе с тем и под увольнение. В сорок два года восстановился в должности по суду, на прошлой неделе приступил к работе, в дежурную следственно-оперативную группу напросился сам, взяли, но возглавить не дали. Да он и не претендовал, во всяком случае, пока.

Группу возглавлял следователь Панаев, молодой человек с командирской выправкой и пышной, как у штатского, шевелюрой, суровая складка на лбу, взрослые не по возрасту глаза. Кауров помнил его еще безусым лейтенантом, неопытным птенцом, которого сам же ставил на крыло. Восемь лет с тех пор прошло, и в званиях они за это время сравнялись, и в чинах, а возможно, и в опыте. Паша Панаев смотрел на труп сверху вниз, важный, серьезный, неприступный, чем-то напоминающий стоящего на задних лапках сурка, в руке папка, на ней лист бумаги с робким пока наброском план-схемы места происшествия. Он так же, как и Кауров, пытался составить картину преступления, но при этом умудрялся смотреть далеко по сторонам. И первым заметил полковника Евграфова, который не просто шел, а надвигался, как тяжелая грозовая

туча, верхушкой фуражки цепляя ветки деревьев. Чутье на начальство Панаев проявил с первых дней на службе, а Кауров так и не научился пресмыкаться перед высшей вельможной волей, глупо верил в справедливость, в равенство перед законом, за что и пострадал.

Панаев ничего не сказал, всего лишь выразительно глянул на Каурова. Не место здесь проштрафившемуся следователю, для всех будет хорошо, если он вдруг исчезнет. Неважно как, в воздухе растворится, сквозь землю провалится, лишь бы глаза начальству не мозолил. Евграфов очень разозлился, когда Каурова назначили к нему в отдел, даже, говорят, устроил сцену начальнику управления, но приказ изменить не смог. И объявил Каурову бойкот.

— Пойду колготки поищу,— кивнул Родион и повернул к купе молодых березок, опутанных пышным кустом боярышника.

Евграфов его увидел, гневно выстрелил взглядом, но не крикнул, не остановил.

— Какие колготки? — запоздало и в недоумении спросил вслед Панаев.

Но Кауров как будто не услышал его. Если Панаев не понял, о чем речь, значит, он не обратил внимания на отсутствие колготок, чулок и тому подобного. Если не понял, то придется объяснять, но некогда, поскольку Евграфов уже остановился возле трупа. И при этом смотрел на Каурова как на убийцу, который сбегал с места преступления.

Белья за кустом не оказалось, впрочем, Кауров и не рассчитывал найти его. И березки высокие, и куст пышный, через такой барьер колготки не перекинуть, если, конечно, не обмотать ими булыжник, например. Под прикрытием кустов Кауров вышел на тропинку вдалеке от места преступления и поспешил к реке.

Он примерно знал местность и на карту глянул, пока ехал сюда. Река, лес, шоссейная дорога, за которой чуть в стороне поселок Макаровский. От дороги до реки примерно два километра с запада на восток, девушку убили примерно на середине пути. Смарт-часы на руке считали пройденные шаги, переводили их в метры. Действительно, примерно через километр пути Кауров вышел на берег реки с песчаным пляжем, с надпойменной террасой с кустарниковым подлеском. К пляжу, пересекая подлесок с юга на север, вел проселок, образуя с тропинкой т-образный перекресток. Дорога эта делала резкий поворот, ныряла под горку, тянулась через пойму и исчезала у самой воды. Пляж пользовался спросом, люди здесь купались, загорали, жарили шашлыки, оставляя после себя мусор и обгоревшие одноразовые мангалы. Причем пикник устраивали совсем недавно, на маевку, пустые бутылки, картонные упаковки под сок у кострища еще не подернулись пылью, хотя уже и успели побывать под дождем. И следы от машин свежие, но заметно размытые.

Совсем свежий след от протектора Кауров обнаружил на дороге через подлесок, в месте, где

она сворачивала к пляжу. Спуск довольно крутой, видимо, водитель не рискнул съехать с террасы на пляж, развернулся в подлеске и взял обратный курс. Но, возможно, какое-то время машина оставалась на развороте. Полянка тихая, живописная, с одной стороны лес, с другой река, справа-слева кусты. Здесь же начиналась и тропинка через лес, на которой и произошло убийство. Возможно, именно этот автомобиль и привез девушку, но что-то заставило ее уходить отсюда пешком. Или даже убежать.

Кауров осмотрел почти лишенный дерна грунт на месте разворота, след отпечатался довольно четко. Совсем свежий след, не тронутый влагой. Резина широкая, сантиметров тридцать, не меньше, рисунок симметричный относительно плоскости, проходящей через середину протектора. Водитель разворачивал машину в два приема: сначала дал задний ход, остановился и потом направил передом — в нужном уже направлении. Остановка могла затянуться и на час, и на два. Остановка с видом на реку. И с девушкой в салоне.

Кауров присел, заметив на траве темные пятна. Неужели кровь? Он осторожно потрогал траву пальцем, понюхал — слегка пахло бензином. Совсем недавно здесь действительно стоял автомобиль — причем с включенным двигателем. Кауров осмотрел еще только набирающий силу куст рябины, переключился на боярышник — ничего. Зато на тонкой веточке крушины, опустив ее чуть ли не до земли, висел использованный презерватив. Чуть

дальше между кустами валялись колготки, снятые вместе с трусиками. Их скрутили в узел, тем самым уменьшив аэродинамическое сопротивление, поэтому смогли отбросить относительно далеко от машины. Трогать Кауров ничего не стал, вернулся к месту стоянки подозрительного автомобиля. А на полянку выходил из леса полковник Евграфов, один, без сопровождения. Широкий морщинистый лоб, густые кустистые брови, глаза черные, как волчьи ягоды, бесцветные губы недовольно сжаты в ниточку.

— Я вот тоже подумал, откуда и куда шла наша русалка, — пристально глядя на Каурова, едва двигая губами, проговорил Евграфов.

— Русалка? — Родион повернул голову и глянул на реку.

— Что она здесь делала ночью? — Евграфов не сводил глаз с подчиненного.

— Жила активной половой жизнью.

Кауров показал на презерватив, Евграфов подошел, глянул.

— Безопасный секс, — прокомментировал он. — С летальным исходом.

— И с порывами страсти, — кивнул Кауров.

Он подвел начальника к месту, откуда тот мог увидеть свернутые в узел колготки с просвечивающими под ними трусиками.

— Думаешь, это вещи потерпевшей? — Евграфов ощупал пальцами козырек своей фуражки, как будто проверял, на месте она или нет.

— Уверен. Думаю, дело было ночью, в темноте, он выбросил колготки, она не смогла их найти. Обиделась и ушла.

— Он — это подозреваемый? — Евграфов сверлил глазами Каурова.

Они работали вместе, одно время даже дружили, пока не разошлись во взглядах на правосудие. Евграфов работал грубо, напористо, не особо вникая в суть дела. Руководствовался простым принципом: кто находился рядом с жертвой в момент преступления, тот и виноват. Если подозреваемый не соглашался с предъявленным обвинением, Евграфов попросту ломал его, заставляя подписать признание. Без всякого зазрения совести мог отправить на скамью подсудимых заведомо невинного человека. И отправлял. И доводил дело до победного для себя финала. Кауров не соглашался с его методами работы, выговаривал ему в глаза, Евграфов обижался, а когда представился момент, подставил подножку.

— Не подозревать мы его, конечно, не можем, — пожал плечами Кауров.

— Давай без соплей, майор! — презрительно и с угрозой во взгляде, поморщившись, сказал Евграфов. — Тут все ясно как божий день. Парень во время ночного свидания привез сюда девушку, они поссорились, она сбежала, он ее догнал и убил. Все очень просто.

— Привез на автомобиле с широким протектором. Я думаю, это был внедорожник.

— Внедорожник? — задумался Евграфов.

А вдруг это автомобиль премиум-класса, а если еще и новый? А если машиной управлял кто-то из сильных мира сего или их отпрысков? Если так, то вину придется перекладывать на кого-то другого, небескорыстно, разумеется. Угодать Евграфов умел и даже любил, за солидное вознаграждение, моральное, а еще лучше, материальное.

— Думаю, машина не совсем исправная, — предположил Кауров. — Или с топливной форсункой проблема, или какие-то свечи мертвые.

Он смотрел на пятно, пахнувшее бензином. Конденсат, капающий из выхлопной трубы, как правило, не имеет ни цвета, ни запаха, значит, дело не только в перепадах температур.

— То есть машина не совсем новая.

Евграфов даже не пытался следить за взглядом подчиненного. Его совершенно не интересовала деталь, которая сподвигла Каурова на предположение о неисправной машине. Он смотрел ему прямо в глаза, раздумывая. С одной стороны, простой смертный в роли подозреваемого избавлял его от головной боли, с другой — отпадала возможность прогнуться в свое удовольствие перед важной персоной.

— Или совсем не новая.

— Найди мне этого парня, майор! — потребовал Евграфов.

Кауров кивнул. Ему нужно участие в расследовании этого убийства, и не так сейчас важно, поручат ему дело целиком или оставят в распоряжении

того же Панаева. Лишь бы только не задвинули на задний план.

— И смотри у меня! — пригрозил Евграфов, поворачиваясь к нему спиной.

Кауров поджал губы, глядя ему вслед. Евграфов требовал от него полного подчинения, он не оставлял ему права на самостоятельный, отличный от утвержденного начальством ход мысли, а тем более следствия. Если подозреваемым окажется обычный человек, привлекать его без всяких сомнений и угрызений. Если под пресс правосудия попадет влиятельное лицо, нужно будет проявить гибкость и пойти на компромисс. Никакой принципиальности, как в случае с господином Натаровым.

Это ведь из-за Натарова Кауров попал в переplet. Владелец металлургического комбината подозревался в убийстве своей любовницы, вину на себя взял его водитель, дело закрыли, но Кауров не успокоился. Он собрал веские доказательства против Натарова, даже смог выдвинуть против него обвинение, но до суда дело так и не дошло. Кауров шел напролом, не считаясь с опасностью, ему и угрожали, и пытались купить, но ничего не помогало. Тогда его просто подставили, подложив ему в стол конверт с деньгами. В память намертво врезался момент, когда дверь с треском открылась, и в кабинет ворвались представители управления собственной безопасности. Оперативники знали, где находится подкинутая взятка, деньги нашли сразу. На Каурова надели наручники, поместили под стражу, два месяца длилось следствие, за это